

КИТАЙСКИЙ

НАГОРЬЕТИШЪ.

Годъ IX Выпускъ 9-й 1913 г.

Отъ 15-го Сентября.

Два года въ Запретномъ городѣ.

Предисловіе.

Авторъ сей книги, дочь Лорда Ю-Кенгъ, члена Маньчжурскаго Бѣлаго Знаменнаго Корпуса, и одного изъ болѣе выдающихся прогресситовъ изъ среды Китайскихъ общественныхъ дѣятелей, имѣла особенныя условія для своей работы. Лордъ Ю-Кенгъ

поступилъ въ армію еще молодымъ и служилъ во время Тайпинскаго возстанія, Фермозской войны съ Франціей и какъ Военный Вице-министръ во время Китайско-Японской войны въ 1895 г. Затѣмъ онъ былъ Посланникомъ въ Японіи, покинувъ этотъ постъ въ 1898 г. сдѣлавшись Президентомъ Министерства Иностр. Дѣлъ. А въ 1899 г. онъ былъ назначенъ Посломъ во Францію гдѣ и пробылъ четыре года. Въ періодъ когда Китайское Правительство было чрезвычайно консервативно и противодействовало прогрессу, Лордъ Ю-Кенгъ работалъ неутомимо надъ преобразованиемъ. Онъ былъ главный реорганизаторъ Китайскаго Почтоваго вѣдомства на современный образецъ, но не достигъ успѣха при ревизіи общественныхъ суммъ и при переворотѣ на новый ладъ арміи и флота съ самаго начала до настоящаго времени. Онъ умеръ въ 1905 году.

Лордъ Ю-Кенгъ показалъ свой прогрессивный духъ на образованіи своихъ дѣтей. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его дочери получили иностранное образованіе, — тогда это было что-то неслыханное среди высшихъ Манчжурскихъ официальныхъ лицъ, — были сдѣланы попытки обвинить его за то, что онъ выдаетъ себя за иностранца и революціонера, но его ничто не остановило и не удержало. Его дѣти получили первоначальное образованіе въ миссіонерскихъ школахъ, а затѣмъ его дочери были въ закрытомъ заведеніи въ одной изъ обителей Франціи, гдѣ авторъ сей книги окончила школу и вышла въ свѣтъ. По возвращеніи въ Пекинъ она сдѣлалась первой статсъ-дамой Вдовствующей Императрицы, и впечатлѣнія полученныя ею въ то время при Дворѣ послужили матеріаломъ для сей книги. Ей удобно было прослѣдить и оцѣнить отличительныя черты той замѣчательной женщины, которая самостоятельно управляла Китаемъ долгое время и ея рассказъ бросаетъ новый свѣтъ на одну изъ болѣе экстраординарныхъ личностей настоящаго времени.

По случаю болѣзни отца, который лежалъ при смерти въ Шанхаѣ, она поѣхала къ нему, чтобы лично самой поухаживать за нимъ и этимъ предприняла первый шагъ къ разрыву съ Китайскимъ Дворомъ. Здѣсь она была просватана за Г-на Thaddeus C. White, Американца, за котораго вышла замужъ 21 Мая 1907 года. Уступая рѣшительнымъ просьбамъ своихъ друзей, она согласилась написать кое-что изъ видѣннаго и испытаннаго ею при Дворѣ. Хроника весьма знаменитой Китайской женщины, обычаи и атмосфера ея двора хорошо изображены особою, принадлежащей къ той же расѣ.

Thomas E. Millard.

(Записки китайки).

Мой отецъ и мать, Лорды и Лэди Ю-Кенгъ, съ семействомъ и вмѣстѣ съ нашей свитой, состоящей изъ Перваго Секретаря, Второго Секретаря, Морского и Военнаго члена Посольства, Канцлеровъ, ихъ семей, служивъ и пр. — всего пятьдесятъ пять чело-
вѣкъ, — прибыли въ Шанхай 2 Января 1903 г. на пароходъ „Атлантъ“ изъ Парижа, гдѣ мой отецъ былъ посломъ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Наше прибытіе было не очень пріятное, такъ какъ дождь шелъ какъ изъ ведра, и намъ было очень трудно высадить нашу огромную свиту и доставить благополучно до мѣста, не упоминая о тонахъ багажа, за которымъ тоже нужно было присмотрѣть. Мы уже пришли къ заключенію во время предъидущаго путешествія, что ни на кого изъ посольскихъ или служивельси полагаться въ пути ни въ чемъ, вслѣдствіи чего вся забота пала на мою маму, которая — безсомнѣнію — всегда оправдывала наши надежды и умѣла преодолевать всѣ трудности.

Когда катеръ съ парохода прибылъ къ Французской набережной, насъ встрѣтили Шанхайскій таотай, судья и много другихъ должностныхъ лицъ, всѣ одѣтые въ парадныя одежды. Таотай сказалъ моему отцу, что онъ приготовилъ Тіенъ-Хо-Гунъ (храмъ королевы Неба) для насъ, чтобы мы могли пользоваться имъ во время нашего пребыванія въ Шанхаѣ, но мой отецъ отказался отъ этого предложенія, сказавъ, что они уже телеграфировали изъ Гонконга и уже все устроили, чтобы остановиться въ Nôtel des Colonies на Французской концессіи. Однажды мы уже испытали побыть въ этомъ храмѣ проездомъ въ Японію, гдѣ мой отецъ былъ посланникомъ въ 1895 г. и поэтому не имѣли больше желанія подвергнуться сему испытанію вторично. Зданіе очень старое и требующее немедленнаго ремонта. Вначалѣ это было превосходное мѣсто, но ему позволили придти въ упадокъ и превратиться въ развалины. Въ Китаѣ существуетъ обычай, чтобы городской голова приготовилъ мѣсто и снабдилъ пищей и пр. высшихъ сановниковъ или лицъ, когда они проезжаютъ черезъ какой-либо городъ и имѣтъ надобности отказываться отъ хорошаго предложенія, но мой отецъ всегда держалъ себя очень независимо и вѣжливо отклонялъ всѣ предложенія помощи.

Наконецъ мы благополучно пріѣхали въ Nôtel des Colonies, гдѣ уже двѣ телеграммы ожидали моего отца изъ Императорскаго Дворца. Въ этихъ телеграммахъ ему приказывали немедленно выѣ-

хоть въ Пекинъ, но такъ какъ рѣка въ Тяньцзинь замерзла, нечего было и помышлять, чтобы поѣхать по этой дорогѣ, только можно было отправиться черезъ Цинвандао, — но это слишкомъ длинный и утомительный путь для моего отца, который въ то время былъ старъ и боленъ и такое путешествіе было бы сверхъ его силъ. Въ Шанхаѣ все время пользовалъ его докторъ и слѣдилъ за ходомъ болѣзни. Въ виду всѣхъ этихъ трудностей онъ телеграфировалъ, что мы отправимся съ первымъ пароходомъ, какой поѣдетъ изъ Шанхая въ Тяньцзинь, когда рѣка Пейхо освободится отъ своего ледяного покрова.

Существуетъ курьезный обычай церемоніи, который долженъ происходить при встрѣчѣ кого-либо изъ официальныхъ лицъ по возвращеніи изъ-за границы. Первымъ долгомъ сіе лицо сговаривается съ самымъ близкимъ изъ вице-королей или губернаторовъ, чтобы поѣхать на поклоненіе къ Чинъ—Шень—Ань или Императору Мира, такъ какъ рангъ таотая слишкомъ низкій для этой церемоніи. Не успѣли сойти на берегъ, какъ Юань—Ши—кай, тогда онъ еще былъ Вице—королемъ Чилійской провинціи, послалъ чиновника къ моему отцу, чтобы уговориться о времени и мѣстѣ для этой церемоніи, которая на самомъ дѣлѣ очень красива. Когда все было готово, оба мой отецъ и Юань—Ши—кай въ полной церемоніальной формѣ, которая состояла изъ длиннаго бушара съ дракономъ, поверхъ котораго одѣвается куртка красновато—чернаго цвѣта въ три четверти длины, чаочу, шляпа съ перомъ павлина и съ красновато—корраловой пуговкой, тотчасъ же отправились въ Вань—Шоу—Гунъ (десятитысячный дворецъ), который специально построенъ для этихъ церемоній, гдѣ ихъ встрѣтило много мелкихъ чиновниковъ.

Позади центра этого храма или дворца стоятъ очень длинный узкій столъ, на которомъ помѣщены дощечки Императора и Вдовствующей Императрицы, на которыхъ написано «Wan sway, wan sway, wan sway» (10.000 лѣтъ разъ, 10.000 лѣтъ разъ...). Сначала прибыли Юань—Ши—кай и прочіе официальные лица. Юань сталъ по лѣвую сторону этого стола, а прочіе встали въ двѣ линіи по старшинству, начиная съ переднихъ угловъ стола. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ мой отецъ и опустился на колѣни прямо передъ центромъ стола и сказалъ: «Вашъ слуга отдаетъ Вамъ привѣтствія». Когда это было окончено онъ всталъ и освѣдомился о здоровьи Ихъ Величествъ у Юань—Ши—Кая, который отвѣтилъ, что они совершенно здоровы. Этимъ закончилась церемонія. Мы пробыли въ Тянь-цзинѣ три дня, а въ Пекинѣ пробыли

29 числа сего м-ца. Здоровье моего отца значительно ухудшилось и онъ просилъ уволить его на покой на четыре мѣсяца, а за это время онъ надѣялся возстановить свои силы. Его просьба была удовлетворена Вдовствующей Императрицей. Такъ—какъ нашъ великолѣпный дворецъ, который былъ выстроенъ и меблированъ только что передъ отъѣздомъ въ Парижъ, сгорѣлъ во время Боксерскаго возстанія въ 1900 г., стоящій болѣе 100, 000 таселей, поэтому мы наняли и поселились въ китайскомъ домѣ. Хотя нашъ прежній дворецъ былъ не совсѣмъ новый, когда мы купили его—это былъ очень прекрасный, старый дворецъ герцога, который мы посредствомъ искусныхъ перестроекъ и пристроекъ переделали на великолѣпный домъ въ иностранномъ стилѣ, оставивъ почти всю деревянную рѣзбу стараго дома. Употребляя слова «иностранный стиль» это значитъ, что не разрушая его совсѣмъ были сдѣланы только нѣкоторыя пристройки и перемѣнены двери, окна, корридоры, обстановка и пр. все это было сдѣлано по европейски, но снаружи же домъ и садъ чисто въ Китайскомъ вкусѣ. Нашъ дворецъ, какъ и всѣ остальные въ Пекинѣ, былъ построенъ по очень неопредѣленному фасону съ садомъ, занимающимъ 10 десятинъ земли. Къ сожалѣнію намъ пришлось прожить во вновь обставленномъ дворцѣ только четыре дня, а затѣмъ уѣхать въ Парижъ; тяжело было моимъ роднымъ покидать такое великолѣпное мѣсто, потерявъ столько времени и денегъ на перестройку и украшенія его. Однако, это одно изъ многихъ испытаній какія приходится переносить высшимъ лицамъ въ Китаѣ.

Вообще постройка зданій въ Пекинѣ очень своеобразны, занимая большія пространства и нашъ первый дворецъ не представлялъ исключенія изъ этого правила. При немъ было шестнадцать маленькихъ одноэтажныхъ домиковъ, заключающихъ 175 комнатъ, устроенныхъ четырехугольникомъ фасадомъ во дворъ, которые въ общемъ составляли одно цѣлое; они такъ построены, что не нужно выходить изъ дверей, потому что они соединены между собой верандой, закрытой съ одной стороны стекломъ. Мой читатель, вѣроятно удивится и спроситъ на что можно употребить всѣ эти комнаты, но при нашей многочисленной семьѣ, множествѣ секретарей, китайскихъ писмоводителей, гонцовъ, слугъ, мафу, носильщиковъ не трудно занять ихъ всѣ.

Сады, окружающіе дома, были устроены въ Китайскомъ вкусѣ; съ маленькими озерами, въ которыхъ плавали золотыя рыбки и росли великолѣпныя цвѣты—лотоса, пересѣченныя мостами, а вдоль береговъ которыхъ росли плакучія ивы. Клумбы, идущія вдоль по

дорожкамъ, которыя извиваются между озерами, были усеяны разными цвѣтами. Въ июнѣ мѣсяцѣ 1899 г. когда мы поѣхали въ Парижъ сады были въ полномъ расцвѣтѣ и своей красотой удивляли всѣхъ, кто бывалъ у насъ.

Не имѣя своего мѣста въ Пекинѣ, мы не знали куда поѣхать, и папа еще изъ Тяньцзина телеграфировалъ одному изъ своихъ друзей нанять намъ домъ. Послѣ не многихъ безпокойствъ былъ найденъ очень знаменитый домъ, въ которомъ Ли-хунъ-чангъ подписывалъ договоры съ иностранными державами послѣ боксерскаго возстанія и гдѣ онъ умеръ. Намъ первымъ пришлось жить въ немъ послѣ смерти Ли-хунъ-чанга, такъ какъ Китайскій народъ очень суевѣренъ и боится, чтобы что-нибудь не случилось ужаснаго съ кѣмъ-либо изъ нихъ, кто займетъ его. Несмотря на предупрежденія друзей съ нами ничего не случилось и мы не видѣли никакихъ явленій.

Убытокъ, понесенный нами во время пожара, никогда не былъ оплаченъ, такъ какъ должностное лицо не должно жаловаться о своихъ личныхъ потеряхъ.

1 Марта 1903 г. Принцъ Цинъ и его сынъ Тзай-Чень пріѣхали навѣстить насъ и извѣстить о томъ, что Ея Величество желаетъ видѣть мою мать, сестру и меня завтра въ Лѣтнемъ Дворцѣ въ 6 час. утра. На что моя мать возразила, что во время нашего пребыванія за границей мы носили только европейскіе костюмы и что у насъ ни у кого нѣтъ подходящихъ Маньчжурскихъ одеждъ, чтобы поѣхать на свиданіе съ Императрицей. Онъ отвѣтилъ, что онъ уже сообщилъ все о насъ Ея Величеству, а также упомянулъ объ европейскихъ костюмахъ въ которыхъ мы ходимъ, на что она сказала, что Маньчжурскій костюмъ не необходимъ для пріѣзда во дворецъ, и она будетъ рада видѣть васъ одѣтыми по иностранному, что послужитъ для нее удобнымъ случаемъ для изученія одеждъ иностраннаго вкуса. Намъ съ сестрой было очень трудно рѣшить, что мы одѣнемъ для такого пріема; она хотѣла одѣть ея голубое бархатное платье, такъ какъ ей казалось, что оно очень идетъ къ ней. Мама всегда дѣлала намъ платья одинаковыя съ тѣхъ поръ какъ мы еще были маленькими дѣвочками. Я же сказала, что я предпочитаю одѣть мое красное бархатное платье, такъ какъ я думаю, что оно болѣе другихъ понравится Ея Величеству. И послѣ долгихъ разсужденій я одержала верхъ. Подъ цвѣтъ платья мы одѣли очень красивыя красныя шляпы съ перьями, а также туфли и чулки. На мамѣ было красивое платье зеленоватого цвѣта, отделанное нѣжно пурпуровыми цвѣтами и такимъ же

бархатомъ, шлица же у нея была изъ чернаго бархату съ длинными бѣлыми перьями.

Расстояніе между нашимъ домомъ и дворцомъ 36 китайскихъ ли (приблизительно три или четыре часа ѣзды) и такъ какъ единственнымъ удобнымъ способомъ передвиженія были носилки, поэтому мы рѣшили отправиться въ три часа утра, чтобы быть тамъ аккуратно къ 6 часу, ибо это нашъ первый визитъ во дворецъ, поэтому извѣстіе о семъ привезенное Принцемъ Циномъ доставило намъ много безпокойствъ и естественно что мы были очень озабочены о томъ, чтобы не опоздать. Я всегда мечтала о томъ, чтобы побывать во дворецъ, но до сего времени не удавалось, потому что я почти всю свою жизнь провела за границей. Другая причина сему та, что не пришлось раньше имѣть случая, потому что папа не записалъ насъ въ правительственную книгу о рожденіи Маньчжурскихъ дѣтей, вѣдѣтвій чего Вдовствующая Императрица не знала, что Лордъ Ю-Кенгъ имѣетъ двухъ дочерей. Папа не записалъ насъ въ книгу, потому что желалъ дать намъ хорошее образованіе, а это можно было сдѣлать при томъ условіи, если не узнаетъ о семъ Вдовствующая Императрица. Кромѣ того, согласно Маньчжурскому обычаю, дочери всѣхъ Маньчжурскихъ чиновниковъ второго ранга и выше по исполненію имъ 14 лѣтъ должны поѣхать во дворецъ, чтобы Императоръ изъ числа ихъ могъ избрать себѣ жену второстепенныхъ, если онъ пожелаетъ; но у моего отца были другіе планы и онъ былъ вочень самолюбивъ изъ—за насъ. Это было бы въ такомъ же родѣ, какъ Вдовствующая Императрица избрала для Императора Сіенгъ-фень.

Мы отправились въ три часа утра, когда было еще совершенно темно на трехъ носилкахъ, каждую изъ коихъ несли четверо кули. Для переезда такого длиннаго пути необходимо, конечно, было имѣть двѣ смѣны носильщиковъ. Это значитъ двадцать четыре кули для трехъ носилокъ не считая экстра кули, которые были старшими надъ носильщиками каждаго кресла. Кромѣ того три офицера верхомъ на лошадяхъ позади каждой изъ насъ и еще по двѣ служки. Въ добавленіе къ чему еще три большихъ Китайскихъ телѣги, слѣдуя позади за носилками, на которыхъ ѣхали кули, а также и дянтинъ потдыа. Вся эта кавалькада состояла изъ 45 человекъ, девяти лошадей и трехъ телѣгъ.

Я была очень нервно настроена во время поѣздки при такой темнотѣ. Спокойствіе ночи нарушали только грубые голоса носильщиковъ, крича взадъ и впередъ своимъ товарищамъ, чтобы они были осторожнѣе съ камнями и выбоинами, что попадаются по до-

роги, в которыхъ базалось, нельзя было пересчитать, да стукъ лошадей. Моимъ читателямъ, которые не испытывали продолжительной поѣздки на носилкахъ, я скажу, что это самый неудобный способъ путешествія, т. е. вы должны сидѣть совершенно спокойно и чрезвычайно прямо, иначе кресло можетъ опрокинуться. Къ концу этой продолжительной поѣздки все мои члены одеревѣли и очень устали къ тому времени, какъ мы достигли дворцовыхъ воротъ.

Китай Въ 1912 г.

Въ исторіи истекшаго года финансовый вопросъ преобладалъ надъ всеми остальными и добрая доля энергій китайскихъ республиканскихъ лидеровъ направлена была на полученіе денегъ на возможно болѣе выгодныхъ для Китая условіяхъ. Этотъ періодъ представляетъ собою также постепенное упроченіе власти Юань-Ши-кая. 1912 годъ начался среди замѣпательства сомнѣній. 16 (29-го) декабря 1911 г. докторъ Сунъ-цзэнъ, незадолго передъ тѣмъ выславившійся въ Шан-хаѣ, былъ избранъ президентомъ временнаго правительства, образовавшагося въ Нанкинѣ, 20 дек. (2 января) вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Между тѣмъ въ Шанхаѣ тянулись мирные переговоры между императорскимъ делегатомъ Танъ Шао-и и докторомъ У-Тинъ-фаномъ, принимавшіе не совсѣмъ понятный для большинства оборотъ. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ мирной конференціи было назначеніе делегатовъ отъ всѣхъ провинцій для обсужденія наиболее подходящей для Китая формы правленія. Судя по послѣдующимъ событіямъ, фактъ этотъ являлся чистою формальностью, а мирные переговоры делегатовъ — одной комедіей. Сочувствіе Танъ Шао-и революціонерамъ ни для кого не было тайной и его отставка отъ должности делегата никого не удивила.

Извѣстіе о томъ, что Юань-Ши-кай получилъ отъ вдовствующей императрицы 3.000.000 хуанъ для продолженія войны, не произвело особаго волненія, въ виду того, что имперскія войска были отозваны изъ Ханькоу. Ясно было, что Южный Китай всеми силами будетъ противиться возстановленію императорской власти. Вопросъ въ данномъ случаѣ сводился къ тому, образоваться ли

изъ Китая федеративный союзъ, или допустить раздѣлъ имперіи на двѣ отдѣльныя части: Сѣверъ, подъ властію Маньчжурской династіи, и Югъ, подъ главенствомъ президента. Въ концѣ декабря былъ опубликованъ составъ министерства, образованнаго въ Нанкинѣ, при чемъ оказалось, что докторъ У-тинъ-фанъ изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ въ министры юстиціи, а Вэнь Цунъ-яо совсѣмъ исключенъ изъ состава министерства. Причина этихъ перемѣненій такъ и осталась невыясненной. Но съ этого времени оба вышеупомянутыя лица, игравшія такую важную роль при началѣ революціи отстраняются отъ всякаго активнаго участія въ политикѣ. Одновременно съ образованіемъ министерства опубликованъ былъ торжественный манифестъ за подписью доктора Сунъ-Вэня, обращенный ко всѣмъ державамъ, съ просьбою о признаніи республики, въ которомъ излагались причины революціи и давалось обѣщаніе соблюдать всѣ существующіе договоры, займы и концессіи.

Послѣдовавшій за этимъ періодъ времени посвященъ былъ преніямъ объ условіяхъ, на которыхъ династія могла отречься отъ власти и обсужденію положенія Юань Ши-кай.

Въ послѣднихъ числахъ декабря въ Пекинѣ по телеграфу сообщены были конечные результаты преній: императорская фамилія и князья удерживали свои титулы, собственность и могилы и получали содержаніе по цивильному листу; сверхъ того, императорская семья пользовалась правомъ свободного выбора резиденціи; маньчжурамъ, магометанамъ, жителямъ Туркестана и тибетцамъ предоставлялись права гражданъ китайской республики наравнѣ съ китайцами; за знаменными утверждались ихъ прежнія пенсіи.

Что же касается вопроса объ обсужденіи положенія Юань Ши-кай, то дѣло обстояло здѣсь значительно болѣе сложно. Переговоры, происходившіе по этому поводу, крайне темны, но, насколько можно прослѣдить событія, положеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Докторъ Сунъ Вэнь, съ самаго начала отказавшійся отъ мысли сдѣлаться постояннымъ президентомъ, предложилъ, чтобы немедленно же было объявлено объ отреченіи династіи отъ трона, послѣ чего онъ тотчасъ же долженъ былъ подать въ отставку, а Юань Ши-кай—сообщить по телеграфу во всѣ провинціи о признаніи имъ республики. Но приверженцы военной партіи въ Нанкинѣ и кантонцы, находившіеся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Юань Ши-каемъ, настаивали, чтобы послѣдній сперва призналъ республику, и только при этомъ условіи они соглашались на за-

нятіе Юанемъ президентскаго поста. Кромѣ того, они требовали, чтобы Нанкинъ былъ сдѣланъ столицей.

Образованіе въ Пекинѣ, среди младшихъ князей, подъ предводительствомъ Тѣяна антиабдикаціонной партіи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней грозила лишить власти Юань Ши-кай, наглядно показываетъ то щекотливое положеніе, въ которомъ очутился Юань Ши-кай. Въ серединѣ января генераль Дуань Ци-жуй, совместно съ нѣкоторыми другими генералами сѣверной имперской арміи, телеграфировалъ императрицѣ, указывая на все безуміе дальнѣйшаго сопротивленія и настаивая на немедленномъ отреченіи отъ престола. Актъ отреченія, составленный еще 22-го января, опубликованъ былъ только 30-го. Въ тотъ же день Юань-Ши-кай телеграфировалъ въ Нанкинъ о своемъ признаніи республики, а черезъ день послѣ этого докторъ Сунь Вэнь (Сунъяцзэнъ) обратился къ нанкинскому правительству съ официальной нотой о своей отставкѣ.

2-го февраля единодушнымъ рѣшеніемъ временнаго правительства Юань-Ши-кай избранъ президентомъ, но при условіи переезда въ Нанкинъ и принесенія присяги на вѣрность республикѣ, а до тѣхъ поръ докторъ Сунь Вэнь и временный кабинетъ должны были оставаться у власти. Черезъ нѣсколько дней генераль Ли Юань-хунъ, уроженецъ Учана, былъ выбранъ вице-президентомъ при единогласномъ одобреніи какъ китайцевъ, такъ и европейцевъ.

Въ самомъ концѣ февраля, въ то время, какъ нанкинскіе делегаты находились въ Пекинѣ и всѣми силами старались убѣдить президента пріѣхать въ Нанкинъ, въ столицѣ всцыхнулъ военный бунтъ, продолжавшійся около недѣли и распространившійся на Тяньцзинь и Баодинфу. Въ одномъ Пекинѣ было разграблено имущества на 3.000.000 фунтовъ.

Нѣкоторые склонны утверждать, что Юань Ши-кай не поколебался самъ вызвать этотъ бунтъ, чтобы доказать, на сколько необходимо было его присутствіе на сѣверѣ.

Какъ бы то ни было, но послѣдствіемъ этого мятежа было твердое рѣшеніе оставить всякую мысль о перенесеніи столицы въ Нанкинъ, чему также не мало способствовало обсужденіе вопроса о громадныхъ затратахъ, сопряженныхъ съ перенесеніемъ государственнаго механизма въ другой центръ. Спустя нѣкоторое время, Танъ Шао-и, назначенный министромъ-президентомъ, прибылъ въ Нанкинъ для веденія переговоровъ съ временнымъ правительствомъ.

Онъ представилъ собранію списокъ членовъ новаго кабинета.

каковой и былъ утвержденъ Сунь-Вэнемъ. Въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ недѣль правительство незамѣтно перебѣло съ Нанкина въ Пекинъ, главнымъ же военнымъ начальникомъ южнаго Китая былъ оставленъ молодой генераль Хуанъ-Синъ, уроженецъ Хэнаня, начальникъ генеральнаго штаба, давно тайно работавшій на пользу революціи и находившійся подъ командой генерала Ли Юань-хуна.

16-го апрѣля президентъ Юань Ши-кай торжественно открылъ совѣщательную палату, которая должна была функционировать до назначенія срока парламентскихъ выборовъ. Въ рѣчи своей, сказанной имъ по этому случаю, Юань намекалъ на рядъ предстоящихъ реформъ финансовыхъ, податныхъ, земельныхъ и промышленныхъ, приглашалъ всѣ партіи объединиться въ идеяхъ мира и прогресса, подтвердилъ о твердомъ намѣреніи Китайской республики исполнять всѣ существующіе договоры и отдавать должное дружескому расположенію державъ и ихъ терпимости.

Вскорѣ послѣ открытія совѣщательной палаты среди членовъ открылись раздоры, предвѣщавшіе все новыя и новыя затрудненія. Сигналомъ для бури послужилъ бельгійскій заемъ заключенный Танъ Шао-и безъ вѣдѣнія и согласія палаты. Нападки на премьера были столь ожесточенны, что въ іюнь мѣсяцѣ онъ бѣжалъ въ Тяньцзинь, откуда окончательно уѣхалъ въ Шанхай, по дорогѣ избѣжавъ покушенія на свою жизнь. Изъ Шанхая онъ увѣдомилъ о своей отставкѣ; премьеромъ на мѣсто него былъ назначенъ Лучжен-сянъ, бывшій китайскій посланникъ въ Петербургѣ. На первыхъ же порахъ новому премьеру пришлось столкнуться съ оппозиціей. Дѣло въ томъ, что въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ крайняя партія, извѣстная подъ названіемъ Тунмэнхуй (федералистовъ-демократовъ), приобрѣла большую силу и вліяніе и стала держать себя крайне вызывающе. Партія эта, основанная докторомъ Сунь Вэнемъ, съ момента бѣгства Танъ Шао-и рѣшила забрать власть въ свои руки. Съ этой цѣлью она приказала своимъ представителямъ, входившимъ въ составъ кабинета, выйти въ отставку, и наотрѣзъ отказалась выбрать тѣхъ лицъ изъ своей партіи, которые были назначены президентомъ, для замѣщенія выбывшихъ членовъ. Положеніе было настолько критическимъ, что Юань Ши-кай вынужденъ былъ въ частной аудіенціи сдѣлать членамъ Тунмэнхуя строгое внушеніе, чтобы они оставили всѣ партійные счеты впредь до открытія постоянного парламента. Дѣло уладилось только черезъ нѣсколько дней, когда вмѣшались военные губернаторы провинцій и телеграфировали членамъ Тунмэнхуя, входившимъ въ составъ совѣ-

щательной палаты, угрожая употребить силу, если не будетъ принятъ новый кабинетъ. Сдѣлана была попытка обвинить новаго премьера въ примѣненіи военныхъ мѣръ противъ палаты, но въ тотъ день, когда должны были происходить дебаты по этому поводу, не составилось кворума, дѣло замялось и уже черезъ три дня члены совѣщательной палаты мирно разсуждали о необходимости замѣны китайскаго національнаго костюма европейскимъ. Насколько партія Тунмэнхуй отнынѣ находилась въ повиновеніи, доказываетъ казни двухъ высшихъ военныхъ лицъ Хуанъ Хуй 'я и Чжанъ Чзинь-у, арестованныхъ въ августѣ мѣсяцѣ по приказу президента и расстрѣлянныхъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что оба были замѣшаны въ обширный заговоръ противъ правительства, но обѣ казни носятъ такой характеръ произвола, что партія Тунмэнхуй, чувствуя она подъ собою почву, не ограничилась бы слабыми протестами по адресу президента и вице-президента республики.

Негодование, вызванное русско-монгольской конвенціей, повело за собой отставку министра иностранныхъ дѣлъ, мѣсто котораго занялъ премьеръ Лучжэнсянь, который въ свою очередь, изъ-за осложненій по поводу займа Криспа, отказался отъ поста министра президента въ пользу Чжао Бинъ-чуня. Волненія, вызванныя этими событіями, неминуемо сопровождались интригами въ совѣщательной палатѣ и борьбою партій, грозившей принять опасные размѣры.

Назначеніе г-на Моррисона, пекинскаго корреспондента Таймса, политическимъ совѣтникомъ при китайскомъ республиканскомъ правительствѣ приковало общее вниманіе.

Предложеніе непосредственно исходило отъ президента, при чемъ говорили, что одновременно съ этимъ подобные же посты были предложены г-ну Дженксъ (Prof. Jenks), профессору чикагскаго университета, и г-ну Арига, профессору токійскаго университета; также обсуждался вопросъ о назначеніи сэра Франсиса Питгоу юридическимъ совѣтникомъ; но до сихъ поръ ничего определеннаго по этому поводу неизвѣстно. Что касается законодательной работы, то еще до окончательнаго сосредоточенія административной власти въ Пекинѣ была составлена временная конституція, опубликованная въ мартѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ въ маѣ послѣдовало обнародованіе свода уголовныхъ законовъ, и тогда же палата рѣшила замѣнить лунный мѣсяцъ солнечнымъ, каковое нововведеніе однако не встрѣтило сочувствія въ народѣ. Весною же введена была реформа китайскаго телеграфнаго тарифа, при чемъ установленъ слѣдующій тарифъ: 12 центовъ за слово въ простыхъ телеграмахъ, 6 ц. для

телеграмъ иностранной прессы и 3 ц. за слово для прессы китайской.

Въ іюнѣ въ первомъ чтеніи прошелъ законопроектъ о парламентскихъ правилахъ, а въ концѣ 1912 г. повсемѣстно начались парламентскіе выборы. Изъ другихъ законопроектовъ, обсуждавшихся въ совѣщательной палатѣ, слѣдуетъ упомянуть слѣдующіе: законопроектъ о реформѣ провинціальныхъ податныхъ комитетовъ, законопроектъ о китайскомъ контролѣ надъ почтой, (до сихъ поръ находившейся подъ управленіемъ иностранцевъ) и, наконецъ, законопроектъ о гербовомъ налогѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить о рѣчи доктора Сунъ Вэня, обращенной къ различнымъ столичнымъ обществамъ, о необходимости единодушной поддержки президента; слѣдствіемъ чего было торжественное празднованіе годовщины основанія республики и шумныя оваціи, устроенныя Юань-Ши-каю при его появленіи на торжествахъ.

Съ самаго начала 1912 г. республиканской партіи пришлось испытать большія финансовыя затрудненія. Народная традиція о сложеніи податей съ народонаселенія на два года при каждой перемѣнѣ династии, традиція, еще болѣе усиленная самими республиканцами, неосторожно освободившими народъ отъ оброковъ на октябрь 1911 г. естественнымъ образомъ затруднила сборъ податей. Въ то же самое время первый порывъ добровольныхъ пожертвованій на военныя нужды прошелъ, а количество солдатъ въ провинціяхъ все возрастало.

Такимъ образомъ еще въ декабрѣ 1911 г. явилась мысль заключить заемъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ на 35.000.000 долларовъ подъ обезпеченіе промышленной собственности г. Учана, окончившаяся неудачей, по причинѣ явной невѣрности обезпеченія въ виду военного времени.

Въ январѣ 1912 г. удалось заключить заемъ на сумму 2.500.000 ланъ въ Японіи подъ обезпеченіе Ханьянскаго желѣзодѣлательнаго завода. Тогда же республиканское правительство обратилось къ «China Merchants S. N. Co», (Общество пароходства китайскихъ купцовъ) съ сенсационнымъ предложеніемъ немедленной передачи всей частной собственности этого общества для заключенія новаго десятимиліоннаго (ланъ) займа. Требованіе это черезъ нѣкоторое время было видоизмѣнено въ томъ смыслѣ, что акціонеры названной кампаніи должны были согласиться уступить для обезпеченія займа свою собственность, каковая должна была быть возвращена своимъ владѣльцамъ по заключеніи правительствомъ новаго займа за границей. Многія японскія фирмы готовы были предложить свои услуги, но при быстрой смѣнѣ

событій, послѣдовавшихъ за отреченіемъ Маньчжурской династїи, планъ этотъ былъ замѣненъ другимъ, именно: нанкинское правительство предложило выпустить патріотическія облигаціи на сумму 100.000.000 долларовъ. Говорятъ, что этихъ облигацій въ провинціяхъ было выпущено на 14.140.405 долларовъ, правительство же получило не болѣе 546.470. Около того же времени, по слухамъ, изъ Нанкина было пущено въ оборотъ республиканскихъ асигнацій на 3.000.000 долларовъ. Въ серединѣ января фирма Messrs Diederichsen & Co., дала заимообразно 10.000.000 ланъ китайской торговой палатѣ въ Шанхаѣ на нужды республиканской партіи. Прежде чѣмъ приступить къ подробному обзору китайскихъ переговоровъ по поводу большихъ заграничныхъ займовъ, не безынтересно будетъ упомянуть еще о займѣ для возобновленія г. Ханькоу, сдѣланномъ въ маѣ 1912 г. частью у американской фирмы «Robert Dollar Co.», частью же у китайцевъ острова Явы и проливовъ, а также о японскомъ займѣ въ размѣрѣ 2.000.000 долларовъ по 6 проц., заключенномъ въ г. Фучжоу въ ноябрѣ прошлаго года. Всѣ эти усилія добыть деньги какимъ бы то ни было способомъ ярко характеризуютъ то безденежье, въ которомъ очутилось республиканское правительство при самомъ своемъ возникновеніи, безденежье, бывшее для него камнемъ преткновенія въ продолженіе всего 1912 г.

Русская миссія въ Китаѣ.

(Вспомни).

На этихъ дняхъ въ Петербургъ пріѣхалъ глава нашей православной миссіи въ Китаѣ — епископъ Иннокентій.

Редакція «Колокола», интересуясь трудами и жизнью миссіи въ величайшей языческой странѣ, поручила мнѣ добиться пріема у владыки Иннокентія, и просить ознакомить съ положеніемъ нашей миссіи въ просыпающейся отъ тысячелѣтняго сна странѣ дракона. Отправившись въ Пекинское подворье на Воронежскую улицу, я просилъ доложить о себѣ владыкѣ, который былъ за вечернимъ чаемъ.

Высокій, цвѣтушій съ какимъ-то величавымъ спокойствіемъ въ манерахъ, владыка вышелъ ко мнѣ, благословилъ, и узнавъ, что я отъ редакціи «Колокола», охотно согласился со мной побесѣдовать. Я получилъ истинное наслажденіе отъ бесѣды съ епископомъ Инно-

кентіемъ. Смиреніе и рядомъ съ нимъ сознаніе высокаго достоинства своего сана, краткость и ясность рѣчи, все это поражало меня въ моемъ собесѣдникѣ.

— Въ какомъ положеніи, владыко, началъ я бесѣду, — ваша благословенная миссія въ Китаѣ.

— Съ Божіей помощью, съ тѣми силами и средствами, которыя въ нашемъ распоряженіи, мы все-таки кой-что дѣлаемъ и къ счастью пользуемся симпатіями и уваженіемъ къ нашимъ заботамъ мѣстнаго населенія.

Нельзя, правда, не признать, что наша миссія въ сравненіи съ миссіями другихъ исповѣданій дѣйствуетъ слабо, причина этого въ отсутствіи средствъ и силъ.

Америка, Франція, Англія тратятъ на свои миссіи милліоны.

Ихъ миссіи обставлены большими силами, люди богатые, образованные.

Тамъ смотрятъ на миссіонерство, какъ на государственное, да еще первой важности дѣло.

Заграничныя миссіи сыграли огромную роль въ китайской революціи, но многія стороны этой революціи остались для Запада неразгаданной загадкой.

Вся подготовка къ перевороту была сдѣлана американскими миссіонерами. Первый президентъ китайской республики былъ ученикомъ протестантской американской школы.

Если бы и наше правительство смотрѣло на миссіонерскую дѣятельность нашей русской православной Церкви не съ узкой точки зрѣнія, что это только дѣло Церкви, а съ широкой государственной, тогда и наше вліяніе въ Китаѣ могло бы возрасти.

Проникнуть въ широкія массы населенія могли только миссіонеры.

Западные державы, въ особенности Америки, на миссіи тратятъ колоссальныя средства, у насъ же они черезъ край скудны.

Отсутствіе людей, — одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей пекинской миссіи. А главная бѣда въ томъ, что въ нашей огромной Россіи даже нѣтъ такого учрежденія, которое подготовляло бы миссіонеровъ.

Наши миссіонеры все самоучки. Только то, что долгимъ горькимъ опытомъ на мѣстѣ приобрѣтеть, и составляетъ его опору, только тѣмъ и пользуется.

Въ количественномъ отношеніи нашу миссію нельзя и сравнивать съ западно-европейскими. У нихъ миссіонеровъ десятки тысячъ, а у насъ... даже стыдно сказать... всего на всего семь человѣкъ!..

Незнаніе китайскаго языка, вовсе не такое препятствіе, которое могло-бы смущать желающихъ поработать на Божьей нивѣ, такъ какъ разговорный языкъ очень не труденъ.— Вся трудность китайской рѣчи заключается въ тонахъ, въ нюансахъ произношенія звуковъ. Вотъ эти тона, правда, даже и для меня представляютъ изатрудненія.

Если бы черезъ газету «Колоколъ» откликнулся на мой призывъ кто-нибудь изъ идейныхъ миссіонеровъ, я благодарилъ-бы Бога.

— Ну, а какое отношеніе встрѣтили вы, владыко, въ нашихъ сферахъ къ вашему дѣлу—вашей миссіи?

— Къ сожалѣнію, вездѣ полное безразличіе.— Какъ видно здѣсь абсолютно не заинтересованы положеніемъ православной миссіи въ Китаѣ. Какъ не понимать, какія величайшія задачи предлежатъ Россіи по отношенію къ Китаю!

Въ одномъ только В. К. Саблерѣ встрѣтилъ я то, что, потрошенно говоря, уповалъ встрѣтить вездѣ.

— Чѣмъ же, владыко, объясняете вы столь грустное явленіе?

— Исключительно нашей неосвѣдомленностью.

У насъ легкомысленно относятся къ тому, что Россіи придется серьезно считаться съ возрожденнымъ Китаемъ.

Китайцы—народъ очень способный. Даже евреи и тѣ отказались съ ними конкурировать.

Намъ необходимо близко познакомиться съ ними, изучить ихъ, а послѣднее возможно только при помощи миссіонеровъ.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи, можно было бы сблизить страны.

Китай въ своей массѣ больше тяготеетъ къ православію, чѣмъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ.

Это доказывается напр. тѣмъ, что извѣстный протестантскій миссіонеръ Эвансъ въ личной бесѣдѣ со мной просилъ разграничить сферу дѣятельности, такъ какъ онъ сдѣлалъ наблюденія, что тамъ, гдѣ воздвигались православныя школы, китайцы отъ нихъ переходили къ намъ.

Такое явленіе наблюдалось повсемѣстно и въ концѣ-концовъ протестантскіе миссіонеры возстали противъ православія.— Въ своихъ проповѣдяхъ они увѣряли китайцевъ, будто въ дѣлѣ насажденія православія, русскими руководятъ совсѣмъ не религіозныя задачи, а политическія и указывали китайцамъ на наши дѣйствія въ Монголіи.

Но несмотря на то, что китайцевъ запугиваютъ нашимъ движеніемъ въ Монголію, и что изъ Монголіи мы не преминемъ по-

тянутся и за Сѣвернымъ Китаемъ, тѣмъ не менѣе китаецъ тяготеетъ къ русскому. Привлекаетъ китаецевъ русская простота и безхитрость.

Вотъ на этомъ основаніи я и говорю, что для проповѣди православія намъ, русскимъ, въ Китаѣ очень благодарная почва.

Христіанство въ Китаѣ распространяется и среди уже китайскихъ сановниковъ не мало христіанъ. За послѣднее время упорно держится слухъ, что и президентъ временнаго китайскаго правительства, Юань-Ши-кай, тоже готовъ принять христіанство, хотя протестантство, или католичество, а не православіе.

— А какъ велика православная паства въ Китаѣ?

— За десять лѣтъ въ православіе обращено 4. 000 китаецевъ.

— Каковы они, какъ христіане?

Въ 1900 г. 200 человекъ китаецевъ пострадали за вѣру Христову мученической кончиной.

И легко могли бы избѣгнуть мученій, только стоило имъ отречься отъ православія, — однако не отреклись, — стойко выдержали всѣ пытки.

Такіе факты яснѣе-яснаго доказываютъ, что вездѣ есть дѣти Божіи.

И помяните мое слово, что Китай въ будущемъ, какъ христіанинъ, еще скажетъ свое слово.

При нашихъ трудахъ по миссіи большую пользу приносятъ Евангеліе, надъ переводомъ котораго на китайскій языкъ немало потрудился митрополитъ кіевскій Флавіанъ. — Евангеліе изложено популярнымъ китайскимъ языкомъ съ толкованіемъ.

Изъ вновь обращенныхъ китаецевъ являются часто пламенные проповѣдники.

— Каково отношеніе китайскаго правительства къ вашей миссіи?

— Очень хорошее. Мы живемъ мирно и пользуемся ихъ вниманіемъ.

Вотъ 17 лѣтъ, какъ я посвятилъ себя миссіи въ Китаѣ и чувствую себя прекрасно.

Часто путешествую на осликѣ верхомъ въ глубь страны.

Вся моя забота объ устройствѣ миссіи. — Сейчасъ, слава Создателю, она въ многомъ оборудована. — При миссіи ремесленныя школы и разныя техническія производства: — печатное дѣло, ткацкая, мыловаренное, мукомольня, своя словолитня, кот. сейчасъ занята отливкой китайскихъ шрифтовъ и знаковъ, которыхъ, какъ

вы навѣрное знаете, до 50 тысячъ.—Если всѣ эти шрифты покупать, то надо было затратить огромный капиталъ.

Изъ всѣхъ миссій—наша оборудована разнороднѣе всѣхъ. Еще немало интереснаго услышалъ я отъ владыки въ продолжительной бесѣдѣ.

Вѣтъя эжу плэо и кэгэньвртэорцэвэ въ Кнѣвэ въ О. В. А—68.

Фонъ „Кол“ я эендлэон въ лнѣвэ олэи эн лнэялнэонэ лхнэ

Фонъ отѣвѣтнэ олэвнэмэвэ лтнэглэвнэ и отъ лхнэ вѣтнэжэ он

лтох, олэвнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ лтнэглэвнэ

Въѣздъ Французскаго и Англійскаго

Посланниковъ въ Пекинъ

(изъ дневника члена Пекинской Миссіи).

13-го Марта назначенъ былъ въѣздъ сюда обоихъ иностранныхъ посланниковъ. Наканунъ они должны были ночевать въ Тунъ-чжоу (въ 20 верстахъ отъ Пекина), гдѣ ожидалъ ихъ уѣхавшій впередъ цонна Г. Уэдъ (Китайскій секретарь Англійскаго посольства), и наканунѣ же тутъ отправились къ нимъ навстрѣчу оба первые секретаря обоихъ посольствъ: Г. Кнечковскій и Г. Кентъ-кифъ, первый въ носилкахъ, послѣдній верхомъ. Пользуясь такимъ прекраснымъ случаемъ, нѣкоторые изъ нашихъ тоже сговорились ѣхать за городъ и поглядѣть; но затрудненіе состояло въ томъ, что неизвѣстно было, какими именно воротами долженъ былъ совершиться въѣздъ: воротами ли Цы-хуа-мынь (средними), откуда идетъ каменное шоссе прямо къ Тунъ-чжоу, или воротами Ша-то-мынь и Хада-мынь (на югъ отъ среднихъ), откуда идетъ почтовая дорога прямо въ Тянь-цзинъ, оставляя Тунъ-чжоу въ сторонѣ. Сами оставшіеся Англичане также не знали того навѣрное. Но такъ какъ всего скорѣе можно было думать, что посланники въѣдутъ послѣдними воротами, слѣдуя обыкновенію всѣхъ Китайцевъ военнаго полета: то компанія наша отправилась по направленію къ нимъ.

Все показывало, что гостей ожидали съ этой стороны. Пыльная уличная дорога, ведущая къ воротамъ, была подровнена, укатана, полита водой и перегорожена обрубками и старыми телегами для воспрепятствованія постороннимъ ѣздить по ней. Пустыя въ обыкновенное время полицейскія будки и лачужки биткомъ набиты были народомъ, среди которыхъ торчало многое множество шариковъ (т. е. чиновниковъ); оборванные, чуть не нагіе въ обыкновен-

ное время кань-цзѣ-ды (нолисмены Пекинскіе) переодѣты были на этотъ разъ изъ лохмотья въ доски и все щеголяли въ болѣе-шихъ форменныхъ шапкахъ. По сторонамъ среди огромной толпы народа, продававшего и покупавшаго по случаю Китайскаго 15-го числа, день открытія кумиренъ и ярмарокъ, замѣтно было множество фizioномій, собравшихся съ болѣе эстетической цѣлью, поглядѣть. Изъ будки у самыхъ воротъ вышли при нашемъ приближеніи сначала синій, а потомъ даже красный шарики, какъ видно оба вольные, — что по переводу на наши чины выйдетъ: полковникъ и генералъ. Не успѣли мы подумать, что «вотъ молъ какая нынѣшняя! готовная встрѣча!» какъ вдругъ синій шарикъ по фамиліи Юнь, въ которомъ я узналъ прежняго давнишняго знакомаго, ловко подскочилъ къ намъ, сдѣлалъ китайскій книксенъ и, принявъ насъ, какъ видно, за Англичанъ, спросилъ, какими воротами и когда въ какомъ часу должны пріѣхать Да-жэни (вельможи). Признаться, мы только что хотѣли спросить о томъ его самого; и потому оставшись довольны, что не конспроментировали себя подобнымъ вопросомъ, и пустивъ ему въ отвѣтъ холодно-убійственное бучжи-дао (не знаю), выѣхали за ворота. Трудно представить себѣ толпу, какая двигалась во всѣхъ направленіяхъ по длинному предмѣстью за городомъ. На этотъ разъ, по случаю 15-го числа мѣсяца, находящаяся тамъ кумирня Дунъ-йю-мао была открыта и въ ней производилась купля и продажа; а потому сюда стекался цѣлыми тысячами народъ изъ города и окрестностей, и народъ болѣе или менѣе нарядный, по случаю ярмарки. Для такого торжественнаго дѣла, какъ въѣздъ посланниковъ, нельзя было придумать лучшей обстановки и болѣе широкой, такъ сказать, популярности. Добравъ до моста называемаго Да-цяо (большой мостъ), гдѣ оканчивается предмѣстье и дорога раздѣляется на двѣ части: каменную и просто земляную, по которой больше и ѣздить за неудобствомъ ѣзды по каменной — мы, подобно сказочнымъ героямъ, поставленіе отчасти въ туникъ, по которой именно ѣхать, чтобы не разѣхаться съ поѣздомъ. Подумавъ немножко, мы придумали, въ избѣжаніе толпы, которая плыла за нами цѣлою волной, отѣхать на нѣкоторое разстояніе по дорогѣ земляной, а затѣмъ остановиться и подождать, выбравъ такой выгодный постъ, откуда видно было и на дорогу каменную. Но какъ извѣстно каждому по опыту, всякое ожиданіе ужасно какъ растягиваетъ время, а кладбище, гдѣ остановились мы, такъ далеко углубилось въ сторону, что намъ рѣшительно ничего не видно было на другую дорогу. Пождавъ и поскучавъ, мы рѣшили возвратиться назадъ къ мосту и чтобы провести вре-

мя послѣднее, поѣхали по дорогѣ каменной, болѣе оживленной и многолюдной. Вдругъ позади насъ появился одинъ мистеръ Англичанинъ, ѣхавшій навстрѣчу посланнику. Присутствіе его здѣсь подтвердило нашу мысль, что гости будутъ съ этой стороны, но въ то же самое время испортило намъ аппетитъ гулять далѣе потому что неловко какъ-то вертѣться въ роли празднующагося предъ глазами человѣка, который служить лицомъ дѣйствующимъ: иначе лицо дѣйствующее можетъ, пожалуй, обратиться въ лицо сострадательное, и лучше сказать, страдающее самой плачевной фізіономіей. (Этотъ Господинъ Эткинсъ только что наканунѣ солгалъ, сказавши, что отправляется въ Тунъ-чжоу на встрѣчу. Затѣмъ, чтобы поправиться, при встрѣчѣ съ нами тоже сказалъ, что поѣдетъ до Тунъ-чжоу, и не поѣхалъ). А потому, раскланявшись съ мистеромъ и пропустивъ его впередъ, мы воротились назадъ. Скоро компанія наша раздѣлилась на двѣ части: одна отправилась просто-на-просто на Сѣверное Подворье, и не желая и видѣть поѣзда, а другая рѣшилась во что бы то ни стало ожидать и дождаться, и во избѣжаніе встрѣчъ толпы, укрылись въ небольшой кумирнѣ, находившейся въ сторонѣ отъ дороги. Съ чиновникомъ пишущимъ нерѣдко бываетъ такъ, что онъ, думая говорить объ одномъ, рассказываетъ совсѣмъ о другомъ: думая, напримѣръ, рассказать какую-нибудь исторію, излагаетъ на самомъ дѣлѣ свое впечатлѣніе, такъ что изложеніе существа дѣла выходитъ краткое, тогда какъ предисловіе занимаетъ цѣлыя страницы. Но что ему прикажете дѣлать, когда и на самомъ дѣлѣ происходитъ именно такъ, какъ выходитъ на бумагѣ? Мы, напримѣръ, цѣлый день провели собственно затѣмъ, чтобы посмотрѣть вѣздъ: вѣздъ и былъ; но онъ продолжался не болѣе полчасъ, между тѣмъ сколько впечатлѣній другихъ, постороннихъ главному предмету, т. е. вѣзду, но близкихъ къ намъ, видѣвшимъ вѣздъ. Какъ не рассказать ихъ, если они имѣютъ свою долю интереса и притомъ современны главному разсказу! Я имѣю въ виду кумирню, въ которой остановилась часть нашей компаніи. Снаружи она была совершенно мизерная; внутри тоже, повидимому, не имѣла ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что въ ней было чисто, вопреки обыкновенію китайцевъ содержать кумирню въ пыли, и еще того, что идолы съ своей обстановкой недавно подновлены, о чемъ и гласила вывѣшенная при входѣ доска съ именами добродѣтельныхъ жертвователей и количествомъ пожертвованій. А между тѣмъ она пользовалась, какъ оказалось послѣ, огромной славой и была своего рода чудомъ въ Китаѣ. Въ чемъ же, вы думаете, заключалась ея знаменитость и чудесность? Въ томъ, что идолъ духа

земли, которому посвящена она, возсѣдалъ тамъ среди двухъ женъ, или точнѣе сказать, по бокамъ его поставлены двѣ статуи одной его супруги. По словамъ Китайцевъ, въ цѣлой вселенной (тянь-ся) нѣтъ другой такой кумирни: потому что во всѣхъ прочихъ обыкновенно истуканъ этого духа стоитъ съ одной супругой. Но что означаетъ этотъ двойникъ и какое онъ имѣетъ религіозно-историческое начало, этого никто изъ Китайцевъ не могъ объяснить, не исключая и самого хэ-шана (монаха) при кумирнѣ. Интересно также знать было, что значили двѣ небольшія сложенные изъ кирпича и обмазанныя глиной пристройки у стѣны въ видѣ наръ. Оказалось, что это были просто могилы. Въ Китаѣ обыкновенно каждое, сколько нибудь достаточное, семейство имѣетъ свое особенное наслѣдственное кладбище. Но если кто умретъ вдали отъ роины, или умретъ человекъ, неимѣющій такого кладбища, то его не закрываютъ пока въ землѣ, а просто ставятъ въ какой-нибудь кумирнѣ и замазываютъ, и онъ хранится тамъ, пока родственники покойнаго не перенесутъ праха его на кладбище предковъ, или не устроятъ новаго, если его нѣтъ.

Мы остановились въ кумирнѣ, чтобы скрыться отъ взоровъ постороннихъ и дожидаться поѣзда; но видно день этотъ по китайскому календарю былъ несчастный: ни того, ни другого не удалось намъ. Около кумирни тотчасъ же образовалась толпа китайцевъ, и такъ какъ мы заперли ворота, то жадно прилипла ко всѣмъ щелямъ, а мало-мальски ловкіе въ матросскомъ искусствѣ, преимущественно мальчишки, полѣзли на стѣны, чтобы взглянуть на бѣлыхъ чертей (бай гуй-цза), какъ называютъ здѣсь Европейцевъ. Мелкіе разнощники воспользовались случаемъ и обставили кумирню всякой всячиной. Скоро мы очутились въ осадномъ положеніи, и двери начали трещать отъ напора любопытныхъ, лѣзшихъ впередъ и давившихъ другъ друга. Впрочемъ, штурмъ не представлялъ никакой опасности, потому что при первомъ движеніи съ нашей стороны встать, стѣны тотчасъ пустѣли, мальчишки валились за бортъ, и осаждавшіе разсыпались во всѣ стороны съ быстротою ртути. Послѣ длиннаго и бесполезнаго ожиданія, разъѣзжавшій назадъ и впередъ мистеръ, замѣтивъ наше убѣжище, подѣхалъ къ намъ и объявилъ, что, по его предположенію, посланники въѣдутъ, если уже не въѣхали, другими воротами. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ воротиться назадъ въ городъ, или ѣхать къ другимъ воротамъ, либо просто убраться домой; мы избрали послѣднее, какъ самое комфортабельное. При въѣздѣ въ ворота, знакомый уже прежде, синій шарикъ опять вышелъ къ намъ навстрѣчу, чтобы пов-

торить прежній вопросъ; мы отвѣтили ему гипотезою, от другихъ воротъ и отправились въ Подворье. (Оказалось, что посланники въѣдутъ воротами Ша-го-мынь и Ха-да-мынь (Трудно объяснить, почему они не въѣхали первыми воротами. Кнечковскій, на примѣръ уѣхалъ имъ на встрѣчу воротами Ци-хуа-мынь. Можетъ быть ихъ испугала ѣзда по шоссе и не хотѣлось сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ, если бы они поѣхали къ цѣмъ воротамъ) и прибудутъ притомъ не вмѣстѣ, какъ ожидали прежде, а порознь, и именно: французскій въ тотъ же день, а англійскій на другой. (Еще труднѣе объяснить, почему они не въѣхали вмѣстѣ, такъ какъ извѣстно, что они выѣхали вмѣстѣ изъ Тянь-цзина. Вѣроятно, имъ хотѣлось, чтобы Китайцы не сливали ихъ въ своихъ понятіяхъ, а представляли бы отдѣльно. Въѣздъ первымъ Французскаго посланника можно объяснить тѣмъ, что въ тотъ день былъ праздникъ Благовѣщенія, и посланникъ хотѣлъ произвести впечатлѣніе на умы китайцевъ-католиковъ, между которыми дѣйствительно идутъ толки о томъ). Торопиться встрѣчею было нечего, потому что м-ръ Б. ѣхалъ съ супругой, а супруга его должна была пріѣхать въ четверомѣстной тяжелой коляскѣ (коляска эта взята изъ нашего Подворья), съ которой по китайскимъ дорогамъ и узкимъ колесамъ нельзя было катиться по почтовому. Когда мы вторично выѣхали изъ Подворья, было уже около пяти часовъ вечера. Надобно отдать справедливость китайцамъ, что они обладаютъ инстинктомъ угадывать, гдѣ именно можно постоять и поглазѣть. Мы — иностранцы, да не знали, откуда пріѣдутъ гости; а китайцы еще съ утра стояли толпой около воротъ и за воротами Ха-да-мынь, и по улицѣ, гдѣ должны были проѣхать посланники, всѣ двory и заборы усыпаны были любопытными. Долгимъ ожиданіемъ китаецъ также не скученъ: онъ готовъ простоять и простоитъ на одномъ мѣстѣ цѣлыя сутки, если только впереди его ожидается перспектива поглазѣть; и это вовсе не подвигъ для него: онъ привыкъ не торопиться и не торопиться при самомъ даже бездѣльномъ. Но любопытна постепенность, съ какою представляла себѣ невѣжественная толпа то, что происходило вокругъ нее. Около Французскаго подворья сказали еще, что пріѣдетъ что-то важное, и одни говорили, что самъ Го-ванъ, т. е. Князь-правитель государства; другіе, что просто князь, или вельможа; слово посланникъ не охотно вообще произносятъ китайцы, когда говорятъ объ иностранцахъ. Около воротъ Ха-да-мынь уже не знали, кто и что, а только знали, что кто-то и что-то. Когда я выѣхалъ за ворота и остановился около стѣны, а вдали вдоль ея показалась темная, по-

лоса какого-то поѣзда, то въ толпѣ, не преминувшей окружать меня, на вопросъ, кого я жду, раздался самый ясный категорическій отвѣтъ: «какъ кого? онъ выѣхалъ встрѣчать свои товары, которые въ силу новаго трактата позволено имъ провозить сюда». Мнѣ такъ забавнымъ показалось подобное объясненіе, что я не могъ удержаться отъ смѣха, причемъ вслѣдъ за мной грохнула хохотомъ и вся масса. Послѣ чего я счелъ долгомъ объяснить имъ, что дѣло не въ товарахъ, которые могутъ пріѣхать сами безъ встрѣчи, а въ томъ, что сюда ѣдетъ Посланникъ Великаго Французскаго Государства. Для Китайца слово посланникъ (цинъ-чай), высочайше посланный другого государства, звучитъ какъ то странно: онъ признаетъ своего Богдыхана выше всѣхъ на свѣтѣ, а вотъ тутъ еще есть посланникъ тоже откуда-то сверху. Притомъ, по своему наиболее употребительному смыслу, слово это отзывается чѣмъ то военнымъ. «Что же это значитъ? Зачѣмъ сюда посланникъ? Что онъ на время или навсегда?» Цѣлая куча вопросовъ зашевелилась въ головахъ толпы и уже готова была посыпаться на меня; но я, предвидя это, отретировался назадъ въ городъ.

Скоро появился въ воротахъ бѣлый шарикъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ; онъ быстро соскочилъ съ лошади и чуть не бѣгомъ бросился въ будку. Изъ будки немедленно высыпала еще толпа полицейскихъ въ прибавку тѣмъ, которыхъ не одинъ десятокъ расхаживали по улицѣ. Скоро показались изъ воротъ ожидаемые гости, но не посланникъ, а переводчикъ при посольствѣ м-ръ М.; онъ ѣхалъ съ однимъ изъ студентовъ китайскаго языка въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. А потомъ спустя нѣсколько минутъ показался офицеръ, вѣроятно обозный, потому что вслѣдъ за нимъ ѣхалъ обозъ съ вещами подъ присмотромъ нѣсколькихъ пѣшихъ солдатъ съ ружьями въ рукахъ. Посланника все еще не было; онъ оставался далеко позади. Между тѣмъ въ будкахъ около воротъ происходила страшная суматоха: полицейскіе то выбѣгали оттуда, то опять вбѣгали туда. Это была, такъ сказать, настоящая Пекинская кавалерія съѣзжая впрочемъ на лошадей и нанявшая ихъ за нѣсколько чоховъ только на сей важный случай. Она выслана была за городъ яко бы для встрѣчи; но умыселъ совсѣмъ другой тутъ былъ. Назначеніе ея, равно какъ и смыслъ всей суматохи около будокъ просто-на-просто состоялъ въ томъ, чтобы считать, сколько пріѣдетъ народу, дабы не было бы, чего избави Богъ, лишнихъ людей, въ видѣ контробанды. Въ будкѣ, какъ намъ сказали тогда, сидѣлъ даже самъ полицмейстеръ; онъ былъ поутру около воротъ Цы-хуа-мынь, а послѣ нашего отвѣта отправился къ этимъ воро-

тамъ. И все это вовсе не для встрѣчи какой-нибудь, а просто для личнаго наблюденія и повѣрки счета: дѣло было дѣйствительно важное, о немъ сдѣлать немедленно докладъ куда-нибудь выше. Не обошлось, впрочемъ, и безъ церемоній: посланниковъ провожалъ изъ Тянь-цзина тамошній областной прокуроръ (дао-тай) по фамилии Сунь, — (Тутъ ошибка. Посланниковъ провожалъ не Сунь, а синій военный шарикъ, чинъ равняющійся полкознику или майору.) тотъ самый, котораго докладъ, гдѣ союзники, вопреки трактату, еще разъ названы варварами (и-жэнь), помѣщенъ недавно въ Пекинской газетѣ.

Стало наконецъ уже смеркаться; но ворота, вопреки обыкновенію, не заперлись въ ожиданіи вѣзда. Запоздавшіе въ городъ озагородные гости, работники и извозчики, спѣшившіе выбраться вонъ, съ радостію видѣли, что это еще возможно для нихъ, и стремглавъ летѣли въ ворота, а любопытная толпа все еще терпѣливо стояла на одномъ мѣстѣ, убывая тѣми, которые вспоминали о забытой кашѣ (ужинѣ), и прибывая тѣми, которые уже покончили съ нею. Часовъ около семи вдругъ сдѣлалась суматоха около будокъ, за воротами раздался рожокъ французскаго трубача, означавшій близость, и затѣмъ сначала показалась толпа кавалеристовъ съ саблями наголо, потомъ трое носилокъ (Въ первыхъ сидѣлъ самъ посланникъ, во вторыхъ его супруга, въ третьихъ, Г. Ключковскій) также съ кавалеристами и саблями по флангамъ, и наконецъ нѣсколько телѣгъ съ людьми и вещами. Поѣздъ не шелъ, а просто летѣлъ на всѣхъ парахъ, и уморительно было видѣть, какъ китайцы, прижавшись сплошной массой къ дорогѣ и прилипнувъ другъ къ другу, то подавались назадъ при видѣ всадниковъ и блестящихъ клинковъ, то подступали впередъ и кланялись до пояса, чтобы заглянуть въ носилки. Напрасно! при блѣдномъ свѣтѣ луны они видѣли только какія то фигуры въ видѣ грозныхъ тѣней, смыслъ и значеніе которыхъ остались загадкою для горькаго взгляда самихъ полицейскихъ. Поѣздъ кончился, а ворота не заперли и толпа не расходилась: не доставало еще коляски, въ которой ѣхала М-ме Б. Но коляска испортилась дорогой, М-ме Б. пересѣла въ носилки, и скоро было дано знать, что коляска останется за городомъ. Забавно было видѣть отчаяніе полицейскихъ: имъ было дано знать, что пріѣдетъ слишкомъ тридцать чело-вѣкъ, а они насчитали вдругъ до сорока, (Они забыли, что въ числѣ пріѣхавшихъ были и уѣхавшіе для встрѣчи изъ Пекина), да еще нашли, что вѣхали двѣ женщины. (Какъ кажется, они приняли за женщину Г. Кичковского, за урядъ М-ть Б., за кото-

раго онъ ѣхалъ). Ворота заперли; толпа стала расходиться, а они долго еще бѣгали и спрашивали другъ друга, совѣтуясь, какъ доложить и объяснить, чтобы вышло какъ слѣдуетъ.

Въѣздъ на другой день Англійскаго посланника представлялъ картину въ другомъ стилѣ, нѣчто въ родѣ контраста. Онъ совершился, во первыхъ, не вечеромъ, какъ наканунѣ, а именно въ то время, какъ заранѣе было назначено, то-есть въ два часа по-полудни. Поѣздъ, во вторыхъ, состоялъ изъ однихъ иностранцевъ: ни шариковъ, ни полицейскихъ не было напередъ; да и у кого достало бы духу, по выраженію китайцевъ, ѣхать напередъ, когда въ тылу цѣлая куча хэй-гуй, цзювъ черныхъ чертей, то-есть сейковъ? Французскій посланникъ пріѣхалъ въ носилкахъ, Англіискій — верхомъ (Можетъ быть, онъ уступилъ ихъ М-мъ Б. послѣ того, какъ сломалась коляска, или даже въ Тянь-цзинѣ. Носилокъ у Англійскаго посланника не видно) и даже въ цѣломъ поѣздѣ не было носилокъ. Тамъ сначала прибылъ обозъ, потомъ поѣздъ; здѣсь сначала поѣздъ, за которымъ слѣдовалъ уже обозъ. Тамъ впереди каваллерія, затѣмъ посланникъ; здѣсь впереди посланникъ, и за нимъ уже каваллерія. Поѣздъ открывалъ молодой человѣкъ, будущій синологъ и драгоманъ; за нимъ слѣдовали два кавалериста; въ срединѣ посланникъ рядомъ съ переводчикомъ, за нимъ два офицера, отрядъ сейковъ и наконецъ обозъ. Поѣздъ двигался мѣрно и стройно и хотя не имѣлъ грознаго вида обнаженныхъ сабель; по немъ проглядывала спокойная самоувѣренность и сознаніе собственнаго достоинства. Впрочемъ, это понятно было бы только для Европейца, но вовсе не для Китайцевъ. Для нихъ посланникъ не мыслимъ иначе, какъ только въ носилкахъ; тѣмъ болѣе что они видѣли носилки болѣе, чѣмъ на двадцати плечахъ (Лорда Энша. Самъ Богдыханъ ѣздитъ въ носилкахъ только при 8 носильщикахъ 20 человѣкъ носильщиковъ — дѣло неслыханное въ Китаѣ, и Китайцы смѣются теперь, говоря, что это несли гробъ. Дѣйствительно только при однихъ погребальныхъ принято употреблять здѣсь много носильщиковъ), видѣли даже въ носилкахъ и не посланниковъ, а немножко поменьше; (напримѣръ, Г. г. Мернтакса, Кичковскаго и другихъ), и потому любопытство ихъ далеко не удовлетворено было пріѣздомъ нѣсколькихъ всадниковъ, тѣмъ болѣе, что они ожидали видѣть не десятки, а по крайней мѣрѣ сотни, если не тысячи всадниковъ. Поэтому, не смотря что поѣздъ кончился, любопытная толпа какъ стояла, такъ и осталась стоять, простояла на одномъ мѣстѣ до самаго вечера, обращаясь къ каждому прохожему и проѣзжему съ вопросомъ, скоро ли пріѣдетъ посланникъ, или лучше сказать, носилки.

Какимъ вообще первымъ впечатлѣніемъ отразился въ Пекинѣ прїѣздъ сѣзсныхъ посланниковъ? Самимъ собою разумѣется, что страхомъ и самыми нелѣпыми слухами. Одни полицейскіе знали количество народа, прїѣхавшаго съ посланниками; но толпѣ любопытныхъ, глазѣвшихъ на поѣздъ, которой вовсе было не до того, чтобы заниматься простымъ арифметическимъ счетомъ, — количество это было неизвѣстно, и при свойственной Китайцамъ трусливости, оно навѣрное казалось ей втрое. Чѣмъ дальше отъ центра къ окрестности, тѣмъ цифра возрастала, особенно въ устахъ людей, которые не были свидѣтелями вѣзда. Такимъ образомъ около такъ называемаго Динъ-сы-пай-ло (восточныхъ четырехъ воротъ внутри города), въ разстояніи двухъ верстъ слишкомъ, говорили на другой день, что прїѣхало двѣ-три тысячи человѣкъ; а около Си-сы-пай-ло (западныхъ четырехъ воротъ, въ разстояніи пяти слишкомъ верстъ, говорили уже, что четыре тысячи, и что самъ полицмейстеръ встрѣчалъ союзниковъ у воротъ, стоя на колѣняхъ. Не думайте, чтобы это говорила только толпа, китайскій плебсъ; нѣтъ, объ этомъ рассказывали люди грамотные, проглотившіе Конфуція и Мэнъ-цзу и знающіе наизусть всѣ стихотворенія древнихъ поэтовъ.

Членъ Пекинской Миссіи Аоанасій Поповъ.

1861-го года

Марта 26-го дня.

Пекинъ.

Дневникъ веденный съ 1831 года.

15-ое Февраля Воскресеніе.

Въ 8 часовъ утра 1^о холода. — Съ полдня поднялся сильный СЗ. (Nw) вѣтеръ, который утихъ не прежде вечера, въ 11 час. по вечеру ртуть на точкѣ замерзанія. Ночь лунная — ясная. По утру въ 9 часовъ по случаю воскреснаго дня отправлена была божественная литургія О. Даніиломъ. Въ церкви былъ одинъ изъ Албазинцевъ Даміанъ, прїѣхавшій вмѣстѣ изъ сѣвернаго храма съ Алексѣемъ Исановичемъ. Черезъ силу и я былъ у обѣдни, но предполагаемую поѣздку рѣшили оставить до другого времени, тѣмъ болѣе, что съ 11 часовъ поднялся сильнѣйшій СЗ. вѣтеръ. По утру

пріѣхалъ къ І. П. племянникъ Фоевскій съ просьбою, чтобы показали ему Португальскій южный монастырь. — Его пригласили къ Архимандритскому столу, а послѣ обѣда, извѣстивъ предварительно епископа, І. П. возилъ его въ оный храмъ. — Часомъ въ 5 я зашелъ къ І. П. и засталъ ихъ уже возвратившихся. П. Е. сообщилъ мнѣ, что у нихъ до моего прихода былъ разговоръ о разныхъ здѣшнихъ чародѣяхъ. — Племянникъ рассказывалъ весьма многія любопытныя объ оныхъ штуки. На мой вызовъ посему предмету онъ охотно продолжалъ сей разговоръ и сказывалъ, что съ бунта бывшаго въ 18 лѣто Царствованія Цзяциня, чародѣевъ сюда не пропускаютъ, — или запрещено имъ сюда являться. — Ремесломъ симъ, которое составляетъ особенную секту, занимаются Индейцы и соседственные имъ Тибетцы съ большимъ успѣхомъ, — онъ рассказывалъ, что одинъ изъ бывшихъ въ Пекинѣ, показывалъ тѣни усопшихъ по желанію и самому даже племяннику удалось видѣть ближайшаго своего умершаго родственника. — Тѣнь подошла (совершенно въ плотскомъ видѣ и платьѣ въ коемъ родственникъ его бывъ погребенъ) къ кану на которомъ онъ сидѣлъ, — и онъ ясно могъ видѣть черты и одежду, даже говорила, но разговору нельзя было понять, — призыватель же понималъ и переводилъ ея слова. Чародѣй для вызова тѣни на сцену имѣетъ берцевую кость лѣвой ноги 17 лѣтней дѣвушки, въ которую извѣстныя ему таинственные слова дуеетъ и тѣнь вызваннаго мертвеца является. — Онъ сказывалъ, что сіи колдуны весьма опасны, за малѣйшее оскорбленіе жестоко мстятъ своимъ искусствомъ. — Нынѣ они шатаются по Монголіи, весьма бѣдны, употребляютъ въ пищу все безъ исключенія, крайне нечистоплотны. — Онъ рассказывалъ, что передъ войною въ 1827 году у нихъ бывшею, изъ Тибета одинъ изъ таковыхъ колдуновъ прислалъ къ его дядѣ полное описаніе съ малѣйшими подробностями происшествія еще неожиданной войны и даже послѣдствія оной и участь какая послѣдуетъ Джангера и проч. — Также, что здѣсь года съ два тому назадъ былъ одинъ Тибетецъ, который велѣлъ себя проткнуть въ грудь шпагой, конецъ оной вышелъ въ спину, шпагу вынули и ни раны ниже знака не было видно — и онъ взялъ сіе оружіе согнулъ оное въ кольцо и завязалъ узломъ, то самое, которое мы видѣли 14 числа во внутреннихъ комнатахъ Фое. — Они большіе мастера гадать на рукахъ и дѣлать другіе подобные фокусы. — Лѣчатъ; напримѣръ, будто бы одинъ Тибетецъ, коего позвали къ страдавшему большимъ чирьемъ, прочиталъ молитву и взявъ какъ бы въ горсть чирей бросилъ его въ дерево, — чирей тотчасъ пропалъ, а на деревѣ слѣдался подобный оному на-

рость; они охотно вѣрятъ всѣмъ этимъ брѣднямъ.—Отчасти морочать легко вѣрныхъ и даосы: напримѣръ протянувъ снурокъ потъ одной къ другой стѣнѣ въ серединѣ онъ привязываетъ писчую кисть обмочивъ оную въ тушь,—вы спрашиваете что либо и кисть вамъ пишетъ отвѣтъ на подложенной бумагѣ.—Это долженъ быть какой либо фокусъ. Отъ сего племянникъ коснулся и другихъ суевѣрій, напримѣръ, что здѣсь въ городѣ будто бы появляется иногда лисица, разстраивающая домашнихъ между собою, что ни убить, ни выгнать ее невозможно, что кто духъ—демонъ,—онъ доказывалъ существованіе онаго тѣмъ, что во внутренности дворца кромѣ маленькихъ постельныхъ собачекъ содержимыхъ евнухами для Б. Х. гарема, по временамъ видятъ лисицъ и большихъ собакъ, что появленіе оныхъ въ какомъ бы не было домѣ всегда предвѣщаетъ несчастіе, раздоръ или что либо подобное.—Племянникъ сказывалъ также, что и чародѣю стоитъ только сѣсть между двумя самыми добрыми друзьями и они перессорятся самымъ ужаснымъ образомъ и даже могутъ дойти и до смертоубійства. Вотъ плоды здѣшней, столь прославляемой мудрости и умствованій. Мы изъявили свое сомнѣніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и племянникъ удивлялся и желалъ насъ уверить, предоставляя спросить у кого угодно изъ здѣшнихъ.—Ему отдали сегодня портретъ Фое, причемъ племянникъ изъявилъ, что дядя его весьма желаетъ имѣть на память о семъ мой портретъ и И. П. и просить о семъ насъ и А. М. мы благодарили за честь,—и съ нами проводили любезнаго гостя. Вскорѣ я принялъ лѣкарство.—

И. И. и А. И. ѣздили прогуливаться подни. Сегодня Даміанъ принесъ мнѣ нѣсколько музыкальных инструментовъ какъ то скрипку, гитару, родъ трубы и 2 таза.—

Фонарный праздникъ продолжается,—у Сы-пай-лоу по сему случаю открыты родъ театровъ, на коихъ представляютъ разные фокусы, начинаютъ сказками, врутъ между собою всякій вздоръ, чтобы смѣшить только народъ. Зданія сіи находятся во внутренности дворовъ и совершенно подобны здѣшнимъ обыкновеннымъ театрамъ. Трескотня отъ ракетъ продолжается по городу съ утра и до вечера.—

Корейскій чиновникъ не даетъ мнѣ покоя, безпрестанно является или присылаетъ съ жиньшенемъ для промѣна на зрительную трубку.

Китайская мудрость.

Переводъ изъ Gasethe de France.

Народъ китайскій считается старшимъ братомъ всѣхъ другихъ, и потому не худо справляться иногда съ его нравственною исторіей, чтобы знать будущую судьбу нашу. Напримѣръ, если мы теперь похожи на китайцевъ, жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ нами, то не вѣроятно ли, что потомки наши будутъ походить на нынѣшнихъ китайцевъ? И такъ любопытные, которые желали бы воскреснуть черезъ 20 вѣковъ, чтобы видѣть перемѣны, случившіяся во время ихъ отсутствія на земномъ шарѣ, могутъ вмѣсто того взглянуть въ китайскія лѣтописи, самыя полныя и древнѣйшія изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. А что древніе Китайцы были въ морали (слѣдственно въ главномъ) глупѣе насъ, то можно заключить изъ ихъ правоучительныхъ книгъ, написанныхъ прежде Р. Х. Вотъ, нѣкоторыя мѣста изъ сихъ мудрыхъ твореній, въ которыхъ читатель безъ сомнѣнія найдетъ тонкости наблюденія, достойную философію нашего времени. "Чѣмъ болѣе отецъ любить сына, тѣмъ болѣе учить его, чѣмъ болѣе мать любить дочь, тѣмъ рядить ее. Отецъ даетъ совѣты сыну, и требуетъ ихъ дочери, мать говоритъ сыну, что она хотѣла сдѣлать, а дочери, что она сдѣлала, отецъ и бываетъ къ сыну слишкомъ ласковымъ, а къ дочери недовольно ласковымъ, мать при людяхъ ласкаетъ сына, а безъ людей на него сердится, ласкаетъ дочь свою тихонько, а при людяхъ бранитъ. Отецъ выдаетъ дочь замужъ, чтобы отъ нея избавиться, а сына женить для того, чтобы съ нимъ не разставаться, мать выдаетъ дочь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы она уже не имѣла въ ней нужды, а сына женить съ тѣмъ, чтобы онъ не могъ обойтись безъ нее. Отецъ любитъ зятя и сноху, мать любитъ зятя, а не любитъ снохи. Отецъ вступается на словахъ за своего зятя и работаетъ за сына, мать тихонько беретъ деньги у мужа для сына, а у сына для дочери. Отецъ желаетъ, чтобы дочь была счастлива, а сынъ добрымъ человѣкомъ, мать желаетъ, чтобы дочь была здорова, а сынъ богатъ. Послѣдніе взоры отца устремляются на сына, послѣдніе вздохи матери бываютъ о дочери. Сынъ тужить болѣе объ отцѣ, плачетъ болѣе о матери, дочь болѣе тоскуетъ о матери, и болѣе жалѣетъ объ отцѣ (Извлеченіе изъ книги У-те-гоа).

Если по сему параграфу можно сравнять родителей древняго Китая съ родителями нынѣшней Франціи, то по слѣдующимъ стро-

камъ, извлеченнымъ изъ Уанг-чи, можно сравнять тогдашнихъ женщинъ Китая съ нынѣшними французенками. "Кто вѣритъ женѣ, тотъ обманывается, кто не вѣритъ ей, тотъ обманутъ. Время раздираетъ покровъ истины и одѣвается имъ, женщины также-онѣ открываютъ тайны другихъ, чтобы скрыть собственные. Языкъ есть мечъ женщины" онъ никогда не ржавѣетъ. Чѣмъ болѣе жена любитъ мужа, тѣмъ болѣе исправляетъ его отъ пороковъ, чѣмъ болѣе мужъ любитъ жену, тѣмъ болѣе умножаетъ ея прихоти. "Китай мѣсто дальнее, когда мы очутились въ немъ, то надобно пользоваться случаемъ-и для того приведемъ здѣсь китайскую старинную пословицу, достойную вниманія всѣхъ народовъ земли: "Когда мечи заржавѣли, а сошники свѣтлы, темницы пусты, а житницы полны, крыльца храмовъ покрыты грязью, а дворы судилищъ заросли травой, лѣкари ходятъ пѣшкомъ, а мясники ѣздятъ верхомъ, тогда бываетъ много стариковъ и дѣтей, тогда государство счастливо."

Теперь сеудите, умнѣе ли мы древнихъ китайцевъ въ морали и политикѣ, съ того времени какъ сіи книги написаны и сія пословица извѣстна въ Китаѣ, царствовало тамъ множество добрыхъ мудрыхъ государей, было множество ученыхъ физиковъ, философовъ, однакожъ нынѣшніе китайцы ни мало не лучше своихъ предковъ. Жаль, ибо должны заключить изъ сего, что и наши потомки будутъ не лучше насъ.

Пан. ин. слав. 1818г.

Мысли китайцевъ.

(Изъ Мочъ des Orientaux.)

Любовь къ добродѣтели не столь сильно дѣйствуетъ, какъ любовь къ роскоши. Будь мужественъ, но старайся прежде побѣдить самого себя. Мудрецъ старается находить погрѣшности въ самомъ себѣ, глупецъ ищетъ ихъ въ другихъ. Не старайся выдумывать плановъ отличиться важнымъ дѣломъ, это есть ни что иное, какъ начерченные на пескѣ фигуры, малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра замѣтаемыя. Не ищи тамъ добродушія и истины, гдѣ стараются льстить твоимъ достоинствомъ, безкорыстіе есть наилучшій щитъ отъ собственныхъ страстей твоихъ. Величайшій герой въ свѣтѣ можетъ потерять свою независимость, между тѣмъ нельзя отнять и у слабѣйшаго человѣка свободы мыслить. Разумъ твой есть зеркало, да будетъ оно всегда чисто и ясно, и старайся стереть его, ежели оно

и на минуту потускнѣть. Не производи въ дѣйство такого предпріятія, о которомъ стыдишься сказать и друзьямъ своимъ. Страшися и тайнаго преступленія, ибо для Бога ничего не можетъ быть скрытаго.

Съ Франц. Д.—Плвѣ. Др. Юн. 1811 г.

Изъ Газетъ.

Паденіе Нанкина.

Нанкинъ сильнѣйшій центръ дѣйствій мятежниковъ согласно сообщенію взятъ утромъ 26 Августа правительственными войсками. Последняя надежда южныхъ бунтовщиковъ учредить вторую республику въ Китаѣ и сдѣлать Нанкинъ своей столицей очевидно исчезла. Жители Нанкина, которые это время находились въ постоянномъ страхѣ отъ мятежниковъ напр. когда Чанъ-Сунъ вступилъ въ городъ со своими войсками, наконецъ освободились отъ несчастій войны. Да и довольно уже они потерпѣли!

Нанкинъ былъ столицей Минской Династіи и временно центромъ сраженій между Маньчжурскими и Китайскими войсками. Затѣмъ опять былъ сдѣланъ столицей Тайпинскими мятежниками и ихъ правленіе было очень тяжелое для народа. Постепенно Тайпинское возстаніе было подавлено, а жителямъ города время отъ времени приходилось переносить всѣ тяжести войны. Городъ былъ осаждаемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ войсками Маньчжурскаго правительства до тѣхъ поръ, пока не палъ въ 1864 г., когда жителямъ разрѣшили вести ихъ мирную торговлю и возобновить свои обычныя занятія. По истеченію 47 лѣтъ революціонеры объявили Нанкинъ своей столицей въ 1911 г. во время войны противъ Маньчжурскаго Правительства, жители коего охотно переносили лишенія всякаго рода, чтобы только свергнуть Маньчжурскій деспотизмъ—что они считали дороже своей жизни за личную свободу, которая была дорога для нихъ. Но 15 Іюля Хуанъ-Синъ пріѣхалъ въ Нанкинъ и заставилъ силой тао-тая Ченъ-Те-чуаня выпустить прокламаціи, объявляя независимость провинціи Кіансу и назначая Хуанъ-Сина главнымъ командующимъ карательной экспедиціи противъ Юанъ-Шикая. Такимъ образомъ Нанкинъ опять сдѣлался главнымъ центромъ революціонеровъ, который наводнили тысячи искателей приключеній пришедшіе на помощь Хуанъ-Сину въ походъ противъ

Президента Республики. Это время населеніе Нанкина переносило всевозможныя лишенія и несчастія только по необходимости, такъ какъ они знали, что у южныхъ предводителей было недостаточно силъ, чтобы начать вторую революцію, и имъ тяжело было быть свидѣтелями того, какъ преливаютъ кровь ихъ друзьямъ. Они надѣялись, что народныя задачи страны будутъ разрѣшены на Національномъ Собраніи, а что насилія и борьба ни къ чему не приведутъ. Теперь они торжествуютъ и чрезвычайно рады, что люди не подлежащіе отвѣтственности, какъ Хуанъ-Синъ и Ченъ-Чи-мей покинули страну, чему принудилъ ихъ къ сему тотъ результатъ, что мирныя жители не симпатизировали настоящей борьбѣ противъ Центральнаго правительства.

Какъ жаль, что произошло настоящее безпокойство, которое принесло массу несчастій мирнымъ жителямъ южныхъ провинцій въ особенности въ Шанхаѣ и Нанкинѣ, и которое почти поколебало всесвѣтную вѣру въ то, что Китай мирная и добродушная нація. Это столкновеніе произошло только по настоянію нѣкоторыхъ честолюбивыхъ предводителей, — которые въ своемъ безуміи не приняли во вниманіе общее благосостояніе четырехъ сотъ милліоновъ людей. Въ результатъ убито много людей; масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей голодающихъ; многіе лишились крову, убиты бѣдностью и немало несчастныхъ и все это за малое число людей въ существованіи которыхъ они имѣли мало интересу и которыхъ въ послѣдствіи они возненавидѣли.

На это возстаніе убиты милліоны долларовъ, а также пріостановка промышленности и торговли принесла громадныя убытки.

А безумнѣе всего то, что предводители южныхъ мятежниковъ хорошо сознавали свои недостаточныя силы, чтобы одержать побѣду противъ центральнаго правительства, которое, хотя и находится въ критическомъ финансовомъ состояніи, всегда можетъ занять гдѣ либо денегъ для веденія войны съ ними и приобѣгнуть къ силѣ оружія. «Случайность править всѣмъ», конечно, не имѣла силы во время настоящей революціи. Предоставляя все случаю, они, однако, бросили играть въ обманъ, когда дѣло коснулось ихъ собственной жизни и для самозащиты бѣжали изъ страны. Хотя еще есть люди, которые заинтересованы этимъ возстаніемъ, но только тѣ, кому не пришлось испытать самимъ ужасовъ революціи, и мы надѣемся, что они оставятъ свои злыя замыслы, раскаятся въ своемъ безуміи и не будутъ болѣе вредить чести и имени своему отечеству.